

The book cover features a vibrant, hand-painted illustration. Two boys, wearing red caps with a logo and red shirts, are climbing a steep, rocky cliff. The boy in the foreground is pulling the other up. In the background, a small, light-colored vehicle is parked on a sandy area. The sky is a mix of blue and purple, with a large, bright orange and yellow sun or explosion in the upper left corner. The title 'Петров и Васечкин в Африке' is written in large, stylized letters, with 'Петров и Васечкин' in blue and 'в Африке' in yellow. The author's name 'Владимир Зленников' is written in red at the top right.

Владимир
Зленников

Петров и Васечкин
в
Африке

И тут раздался
звук, от которого
все трое
вздрагнули.
Это был самый
настоящий
львиный рык.

Сто коров за
нашу Машу —
это очень мало.
Если бы хотя бы
сто пятьдесят...

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Приключения Петрова и Васечкина

Владимир Алеников

**Петров и Васечкин в Африке.
Приключения продолжаются**

«РИПОЛ Классик»

2015

УДК 82-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алеников В. М.

Петров и Васечкин в Африке. Приключения
продолжаются / В. М. Алеников — «РИПОЛ Классик»,
2015 — (Приключения Петрова и Васечкина)

Новая книга Владимира Аленикова – продолжение его предыдущей книги «Петров и Васечкин в стране Эргония». На этот раз закадычные друзья Петров и Васечкин и, разумеется, красавица, спортсменка и отличница Маша Старцева оказываются в Африке, где сталкиваются и с дикими хищниками, и с ядовитыми змеями, и с древним племенем масаи, и даже с кровожадными сомалийскими пиратами. Удастся ли героям опять преодолеть все препятствия, спасти похищенную Машу и выбраться целыми и невредимыми из своих злоключений? Читателей снова ждёт невероятная и захватывающая история, рассказанная с присущим автору юмором.

УДК 82-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алеников В. М., 2015
© РИПОЛ Классик, 2015

Содержание

Моему читателю	6
Глава первая,	7
Глава вторая,	14
Глава третья,	19
Глава четвертая,	22
Глава пятая,	29
Глава шестая,	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владимир Алеников

Петров и Васечкин в Африке.

Приключения продолжаются

© Алеников В. М., 2011

© Иллюстрации. Володькина Е., 2015

© Иллюстрация на обложке. Бугославская Н. В., 2015

© Издание. Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

* * *

Моей дочке Асе, в память о нашем чудесном путешествии

Моему читателю

Мой дорогой читатель!

Если ты не понаслышке знаком с Петровым, Васечкиным и красавицей Машей и с самого начала следишь за их обыкновенными и невероятными приключениями, то ты не мог не заметить, как они понемногу меняются и как, соответственно, меняется их отношение друг к другу. То есть конечно же Васечкин остаётся Васечкиным со всем присущим его характеру авантюризмом и желанием периодически прихвастнуть, равно как и Петров – это, безусловно, всё тот же Петров – честный, добрый, всецело преданный дружбе. О Маше Старцевой я уж и не говорю. Разумеется, как она была человеком крайне ответственным ещё с первого класса, так и осталась, несмотря на её несомненные успехи в самых разных областях.

Но всё же время идёт, все трое помаленьку взрослеют, и это даёт о себе знать. Ну, а кроме того, на них, само собой, так или иначе влияют те удивительные события, участниками которых они поневоле становятся. Возьми хотя бы прошлогоднюю опаснейшую экспедицию в Антарктиду, где под руководством Васечкина-старшего была обнаружена скрытая туманом страна Эргония.

Конечно же та поездка не прошла бесследно. Ведь Петрову и Васечкину пришлось проявить свои лучшие качества, когда, нисколько не думая о себе, они бросились на спасение похищенной гигантскими муравьями Маши. И это не могло не сказаться на дружбе всех троих, которая и всегда-то была крепкой, а стала по-настоящему неразрывной. Я бы даже сказал, что это, пожалуй, нечто большее, чем просто дружба. Впрочем, не буду забежать вперёд.

Короче говоря, прошёл целый год с тех пор, и Петров, Васечкин и Маша заканчивали теперь уже шестой класс, когда мне опять пришлось взяться за перо, чтобы описать их очередные похождения. Я, признаюсь, совсем не предполагал это делать, но куда же мне было деваться, когда внезапно обнаружилось, что они на пороге совсем новых и неожиданных перипетий. Согласись, дорогой читатель, кто-то же должен запечатлевать для истории подобные, порой почти фантастические события.

И поскольку уж так сложилась судьба, что именно мне довелось стать летописцем приключений этой славной троицы, то и на сей раз я снова постарался скрупулёзно записать всё, что с ними произошло. Надеюсь, что ты не будешь разочарован, познакомившись с тем, какие нынче обыкновенные и невероятные каникулы выпали на их долю.

Не поручусь, кстати, что на этом их похождения заканчиваются. Ведь как бы ни менялись Петров, Васечкин и Маша, переходя в следующий класс, их гимн «Ах, как хочется приключений!» остаётся прежним. И от этого, боюсь, ни они, ни я уже никуда не денемся.

Твой Владимир Алеников

**Глава первая,
в которой у Петрова начинается
весеннее обострение, а Васечкин
становится Сирано де Бержераком**

Впервые Петров и Васечкин влюбились в Машу в первом классе. Причём одновременно. Из-за какой-то дурацкой ангины (это потом выяснилось) Маша появилась в 1-м «Б» на две с лишним недели позже начала занятий, только семнадцатого сентября. И в ту же минуту, как она возникла на пороге класса, вся такая аккуратная, в отглаженном белом воротничке, в белых носочках и с двумя косичками, которые заканчивались большими, опять же белыми, бантами, в ту самую минуту, когда Маша широко и в то же время чуть застенчиво улыбнулась (только она так умела) и громко сказала: «Здравствуйте, меня зовут Маша Старцева!», оба они – и Петров, и Васечкин, которые уже успели крепко подружиться к тому времени, – бесповоротно в неё влюбились.

Влюблённость эта была чувством странным. С одной стороны, она вроде бы никуда не девалась, присутствовала постоянно, но, при этом, неожиданно захлёстывала то одного, то другого, накрывала с головой, как огромная морская волна. В этих случаях Васечкин, который в отличие от Петрова тщательно свои чувства скрывал, вынужден был приходить на помощь несчастному другу.

У самого же Васечкина особенно острый приступ влюблённости случился в третьем классе, когда он решил покорить Машу каким-нибудь геройским поступком и подговорил Петрова, Вову Сидорова и ещё троих приятелей изобразить из себя хулиганов, от которых он её, Машу, и должен был спасти в самый критический момент. Кончилась эта затея скверно. Маша повела себя совершенно непредсказуемо. То есть поначалу всё шло хорошо, хулиганы, как и было задумано, к ней пристали, в нужное мгновение появился Васечкин, гордо крикнул

«Отстаньте от неё!» и, как лев, отважно бросился на защиту Маши, раскидывая нападающих в разные стороны.

Однако, вместо того, чтобы восхититься геройством Васечкина, Маша, против ожидания, чуть ли не до слёз прониклась искренним сочувствием к якобы побитому им Петрову (на самом деле Васечкин до него и не дотронулся, Петров просто сам упал и корчился на земле, изображая, как ему больно) и с ним, Петровым, жалея его всячески, тогда и ушла, объяснив Васечкину напоследок, что он – *просто зверь!* А Петров к тому же самым подлым образом тщательно хромал, когда уходил, поддерживаемый сердобольной Машей. Чтобы она его ещё больше жалела.

Но в тот же год, уже ближе к лету, как следует накрыло и Петрова. Теперь уже Васечкину пришлось спасать положение, и он скрепя сердце пожертвовал собой и разработал для друга целый план покорения Маши под кодовым названием «Укрощение строптивой». План был назван по одноименной пьесе Шекспира, которую к тому времени Васечкину прочёл вслух папа, решивший серьёзно взяться за образование сына.

Петров, следуя васечкинским указаниям, то обещал Маше *вмазать так, что она сразу перестанет быть строптивой*, то не давал ей есть в школьном буфете. Прежде чем она успевала открыть рот, он сам с невероятной скоростью поглощал Машин завтрак.

Однако все эти старания ни к чему не приводили. Маша только пожимала плечиками, покачивала головой и говорила: «Ну ты, Петров, совсем!»

А закончилось всё неожиданно. В критический момент укрощения, когда, казалось, до победы оставалось совсем немного, «волна» внезапно опять захлестнула и Васечкина, так что он не только ничем не помог другу, а ещё и сам потерял дар речи и стал предлагать Маше какие-то бессмысленные подарки типа ножика со сломанным перочинным лезвием. Маша, разумеется, удивлялась, говорила: «Какой ты странный, Васечкин!» – и даже предлагала отвести его в медпункт.

Надо заметить, что происходило такое помутнение рассудка ежегодно и преимущественно весной. Друзья поочерёдно теряли аппетит, бормотали что-то несвязное, смотрели сумрачно, тщательно причёсывались по утрам, прежде чем отправиться в школу. Мама Васечкина называла подобное состояние *весенним обострением*.

На сей раз обострение началось у Петрова. На дворе стояла середина апреля, шестой год их совместного с Васечкиным и Машей обучения подходил к концу. Случилось это так.

Был последний в тот день урок – литература. Петров вместе с остальными вошёл в класс, уселся, потом по привычке покосился в Машину сторону и вдруг почувствовал, что в ушах у него сначала как будто что-то зазвенело, а потом вроде как заложило ватой. В то же время внизу живота как-то неприятно потянуло. Петров судорожно сглотнул и тоскливым неподвижным взглядом уставился на Машу, о чём-то оживлённо беседовавшую с Людой Яблочкиной.

Васечкин, сидевший рядом, в свою очередь не менее увлечённо рассказывал Петрову об открытии новой галактики, но тот ничего из этого рассказа не слышал и никак на новость не реагировал. Васечкин, в конце концов, озадаченно замолчал и проследил за тоскливым взглядом друга, после чего всё понял.

– Опять началось, – не столько спросил, сколько заключил он.

Петров молчал.

– И давно сохнешь? – поинтересовался Васечкин.

На этот раз Петров осуществил некое осмысленное действие. Он вздохнул. Вздох этот мог означать что угодно – и давно, и недавно.

Но Васечкин этим вполне удовлетворился. Он пребывал в самом благодушном настроении по случаю солнечного весеннего дня и летних каникул, ждать которых оставалось уже не так долго. Поэтому он, на время забыв о собственных переживаниях по поводу их общего идеала (понятно, какого – красавицы, отличницы и спортсменки Маши Старцевой), тут же проникся сочувствием к другу и, как всегда в таких случаях, незамедлительно дал хороший совет.

– Чего ты тормозишь, Петров? – снисходительно произнёс Васечкин. – Тебе надо с ней *перетереть*, и всё будет *океюшки*!

– Чего перетереть? – не понял Петров. – Зачем это нам что-то перетирать? Мы что, варенье, что ли, будем варить?

– Ну ты тормоз! – рассмеялся Васечкин. – В смысле *объясниться*! Догнал?

– А-а... Вроде догнал... – снова вздохнул Петров. – А что я ей скажу... – начал было он, но осёкся.

В это время в класс вошёл учитель литературы Феликс Александрович, которого все ученики шестого «Б» называли просто Феликс.

Все с грохотом встали.

– Здравствуйте! Садитесь! – сказал Феликс.

Все сели. Феликс поправил очки, откашлялся и торжественно оглядел класс. Такой взгляд бывал у него, когда он хотел чем-то поразить аудиторию. Феликс обожал свой предмет, но школьной программы ему казалось недостаточно. Поэтому он периодически отступал от неё, посвящая то один, то другой урок своим любимым писателям и их творениям. Поскольку учителем он был превосходным, шестой «Б» нисколько не возражал против подобных отступлений. Наоборот, все ждали таких сюрпризов, знали, что учитель обязательно припас для них нечто необычное. Так случилось и теперь.

– Сегодня, дорогие мои, – проникновенно начал Феликс, – мы немножко отступим от нашей программы и поговорим о замечательной пьесе великого французского драматурга Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак». Это великолепная комедия с потрясающей любовной интригой. А в её главного героя, поэта Сирано де Бержерака, поверьте мне, просто невозможно не влюбиться. Перед его любовными речами не может устоять ни одна женщина.

На этих словах Васечкин, поначалу слушавший довольно рассеянно и думавший о своём, наострил уши, пихнул Петрова в бок и поднял кверху указательный палец, что означало – *внимание*!

– У него был очень большой нос, – продолжал тем временем Феликс, – но свою, как сейчас принято говорить, нестандартную внешность Сирано с лихвой окупал талантом и

непревзойденной храбростью. Даже беззаветно полюбив свою кузину, красавицу Роксану, и понимая, что он не добьётся взаимности, де Бержерак нашёл в себе силы сделать всё, чтобы его возлюбленная была счастлива.

Васечкин двумя пальцами смерил свой нос и, посмотрев на полученный результат, пришёл к выводу, что нос у него вполне обыкновенный. Он покосился на Петрова. Тот внимательно слушал, слегка кивал в знак согласия. Петров тоже, как и Сирано де Бержерак ради Роксаны, готов был сделать всё, чтобы только Маша Старцева чувствовала себя счастливой. Нос у Петрова, кстати, после тщательного измерения оказался также, как и у Васечкина, совершенно обычного размера, слегка курносый.

– Он пожертвовал частью себя! – страстно говорил Феликс. – Своими чувствами и талантом! Стал тенью своего соперника, его другом, советчиком, тайным суфлёром, подказывавшим ему слова любви. А свою собственную любовь он пронёс через годы, так и не смея открыться перед любимой. Всё решил случай.

Шестой «Б» слушал, замерев. А Маша даже прикусила губу, что означало у неё крайнюю степень заинтересованности.

– Дело в том, что для Роксаны оказалось недостаточно просто услышать признание в любви. У неё была особая чуткость к слову. Она очень ценила выразительную речь. Поэтому, когда молодой гвардеец Кристиан, в которого она тоже, между прочим, искренне влюблена, признаётся ей в любви, но не может это своё признание облечь в красивую поэтическую форму, Роксана очень разочарована. Вот послушайте.

Феликс раскрыл книгу и начал читать:

Кристиан: Я вас люблю!

Роксана: Чудесное начало. Я тоже слушаю, любя.

Кристиан: Я вас люблю!

Роксана: Ну, дальше.

Кристиан: Что ж, вам мало?

Роксана: Но как вы любите?

Кристиан: Я так люблю тебя!

Роксана. Ах, так... но как же это?

Кристиан: Очень!

Роксана: Я чувствую с радостью делю, но ведь язык любви неточен. А как вы любите?

Кристиан: О, дьявольски люблю!

Роксана (зевает): Как остроумно!

Кристиан: Ваша шея!.. Так обольстительна... (Хочет поцеловать.)

Роксана: Что с вами, Кристиан?

Кристиан: Роксана, я от счастья пьян!

Роксана: Скажите что-нибудь свежее.

Кристиан: О звёздах?

Роксана: Нет же звёзд.

Класс, затаив дыхание, внимательно слушал. Сцена признания в любви захватила всех поголовно. Васечкин не выдержал и хихикнул. Его смешил недотёпа Кристиан, который не мог найти нужных фраз. Уж он-то, Васечкин, в таком случае в карман за словом не полезет!

Феликс строго посмотрел на него. Васечкин сделал вид, что поперхнулся, и закашлялся. Учитель продолжил чтение.

Кристиан: Но скоро будет рой!

Роксана: Скажите хоть о них.

Кристиан: Они... они прелестны.

Роксана: Вы говорите, как сомнительный герой одной плохой, но на шумевшей пьесы! (Встаёт.)

Кристиан: Куда? Пойдите! Если так – я всё скажу...

Роксана: Что любите меня вы? Прекрасные слова звучат у вас в устах, как стёртые монеты у менялы. Подите прочь!

Феликс отложил книгу и победным взглядом окинул класс. Петров и Васечкин переглянулись. На обоих произвело сильное впечатление поведение неприступной Роксаны. Оно им что-то напоминало.

– И что, Феликс Александрович? Так всё и кончилось? – не выдержала Маша.

– Нет, конечно, – улыбнулся Феликс. – Но всё и вправду могло бы кончиться очень скверно, если бы в дело не вмешался Сирано де Бержерак, которого несчастный Кристиан попросил о помощи. А поскольку Сирано владел словом превосходно, то, пользуясь темной, он, стоя под балконом, объяснился с Роксаной от имени Кристиана. И Роксана, думая, что это Кристиан так красиво говорит с ней о любви, полюбила Кристиана ещё больше.

– А она, что ли, по голосу не поняла, что это не Кристиан? – удивился Васечкин.

– Она, конечно, обратила внимание, что голос звучит иначе, – ответил Феликс, – но Сирано объяснил это ей волнением, которое он, то есть Кристиан, испытывает во время такого важного разговора.

– И что, это проскочило? – снова спросил Васечкин.

– Да, она поверила.

– Круто! – заключил Васечкин.

И они снова переглянулись с Петровым.

Урок продолжался.

Прозвенел звонок, и все высыпали в коридор. Петров оглянулся, взглядом нашёл Машу, по-прежнему беседовавшую с Людой Яблочкиной. Маша заметила этот взгляд.

– Пока, Петров, – сказала она, проходя мимо.

– Пока, – убитым голосом произнёс Петров.

И Маша ушла.

Петров смотрел ей вслед и думал, что несчастней его на свете людей нет. Подошедший Васечкин заметил этот отчаянный взгляд.

– Отомри, Петров, – усмехнулся он. – Я ж тебе сказал, чего делать.

Петров безнадежно замотал головой.

– Я не смогу с ней, как ты говоришь, *перетереть*... – глухо произнёс он.

– Это ни о чём, – сказал Васечкин.

– Почему это ни о чём? – удивился Петров.

– Ну так говорят, – пояснил Васечкин. – В чём проблема-то?

Петров пожал плечами.

– Я, как этот... Кристиан... – выговорил он, запинаясь. – У меня, знаешь, со словами... ну... не очень...

Васечкин хмыкнул и хлопнул друга по плечу.

– Ладно, Петров, я тебе помогу! – великодушно заявил он.

– Как? – поднял брови Петров.

– А очень просто. Как Сирано этому Кристиану. Чем мы хуже?

– Ничем, – согласился Петров. – А ты думаешь, Маша наши голоса не различит? – озабочился он.

Васечкин призадумался.

– По ходу, ты прав! – заключил он наконец. – У Маши такое не прокатит! Есть другая идея! Надо ей *эсэмэску* накалякать! И всё там перетереть!

На этот раз задумался Петров.

– Не надо *эсэмэску*, – сказал он. – Лучше письмо.

– Письмо? – поразился Васечкин. – Да ты чего? Кто это письма пишет? Только Татьяна Евгению Онегину. А был бы у неё мобильник, она бы тоже *эсэмэску* послала. Типа – другому отдана, век ему верна. И смайлик в конце.

– Смайлик? – удивился Петров.

– Конечно. А как же без смайлика. Иначе не канает. В общем, дело твоё. Хочешь письмо, так пиши письмо.

Петров сначала уныло вздохнул, потом пожал плечами и, наконец, развёл руками.

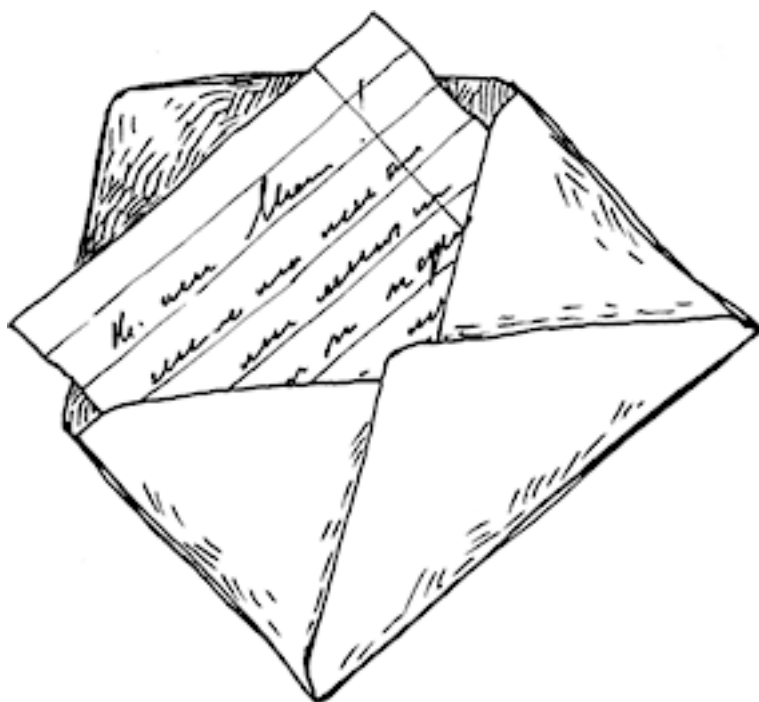
– Я не смогу! – объявил он, произведя все эти три действия. – Не сумею. Не знаю, как написать...

– Я в теме! – усмехнулся Васечкин. – Сказал же, помогу. Так и быть, я настрочу, а ты отдашь. И всё будет *оки-токи*!

– Оки-токи? – недоверчиво переспросил Петров.

– Ну да, – подтвердил Васечкин. – Именно. Оки-токи!

Глава вторая, в которой Маша читает письмо, а Петров неожиданно одерживает победу

Наутро, как только все вошли в класс и уселись на свои места, Васечкин вынул из рюкзака конверт, разгладил его и торжественно передал Петрову.

– На, держи! – небрежно произнёс он.

– Чего это? – удивился Петров.

– Чего обещал, – улыбнулся Васечкин. – Письмо. Полночи вкалывал, между прочим! Но зато – *верняк*!

Петров аккуратно открыл конверт и начал читать письмо, шевеля губами. Тем временем в класс вошла учительница английского – Екатерина Михайловна. С прошлого года помимо французского класс «Б» изучал ещё и английский. Все встали.

– Хеллоу, май чилдрен! – весело улыбнулась Екатерина Михайловна. – Глэд ту си ю! Сит даун, плиз!

Петров тем временем дочитал письмо и с недоумением воззрился на Васечкина.

– Думаешь, это верняк? – прошептал он, когда они сели на место.

– Оф кос! – по-английски ответил Васечкин. – Ноу проблем!

И при этом ещё сделал уверенный жест рукой, – мол, не сомневайся!

Однако сомнения Петрова этот жест полностью не развеял. До конца уроков он просидел хмурым. Что-то по-прежнему его тревожило.

Раздался последний звонок, и все высыпали из школы. Петров и Васечкин встали за колонной, ждали. Наконец появилась Маша, в расстёгнутом пальто, весело помахивая сумкой, прошла мимо, не заметив друзей.

– Давай,пустишь! – шепнул Васечкин.

И даже подпихнул друга вслед уходящей.

Петров вздохнул и нагнал Машу. Некоторое время шёл рядом. Дальше дорога разветвлялась.

– Пока, Петров, – сказала Маша, зная, что им в разные стороны. – До завтра!

Петров опустил глаза и, краснея, протянул ей конверт.

– Вот, – выдавил он из себя.

– Что это? – подняла брови Маша.

– Письмо, – мужественно ответил Петров.

И вздохнул.

– Кому? – поинтересовалась Маша. – Тут не написано.

– Тебе, – снова вздохнул Петров.

– От кого? – въедливо уточнила Маша.

– От меня, – окончательно побагровев, сказал Петров.

– А-а, – протянула Маша. – Ну хорошо, спасибо.

Она подождала, не скажет ли Петров ещё чего-нибудь. Но он молчал.

– Ну, пока? – спросила Маша, которой надоело стоять и смотреть, как Петров вздыхает.

– Пока, – с явным облегчением сказал Петров.

Маша слегка пожала плечами, сунула письмо в карман пальто и ушла, всё так же помахивая сумкой.

Петров стоял неподвижно, смотрел ей вслед.

– Ну чего? – спросил его подошедший Васечкин.

– Отдал, – тяжело вздохнул Петров.

– Ну всё, молоток! – похвалил Васечкин. – Теперь она никуда не денется. Жди. Пойдём, что ли, по мороженому *жвахнем* по этому случаю?

Петров, наконец, перестал смотреть вслед исчезнувшей за углом Маше и перевёл тоскливый взгляд на Васечкина.

– Можно и жвахнуть, – сказал он.

Маша своим ключом открыла дверь в квартиру и переступила порог.

– Маша, ты? – тут же раздался мамин голос.

– Я, мам! – крикнула в ответ Маша.

– Всё в порядке?

– Да!

– Мой руки и за стол. Всё готово.

– Иду! Вкусно пахнет!

– Давай скорее! Стынет.

Маша сняла пальто, повесила его на вешалку и ушла в комнату, не заметив при этом, что торчавшее в кармане письмо упало на пол.

Мама у Маши была кандидатом экономических наук и преподавала экономику студентам-заочникам в университете, куда ездила только два раза в неделю. А папа вообще работал дома, переводил прозу и стихи французских и бельгийских авторов. От него Маша и унаследовала свою любовь к французскому языку.

– А где папа? – спросила она, расправляясь с аппетитной куриной ножкой.

– В издательство поехал. Сейчас должен прийти. А вот и он!

И действительно, в коридоре хлопнула дверь, и через минуту в комнату вошёл папа с конвертом в руках.

– Всем привет! – сказал он. – А что это за конверт там валялся?

– Ой! – спохватилась Маша, совершенно забывшая про разговор с Петровым. – Это мне письмо.

– Что за письмо? – поинтересовался папа, отправляясь в ванную мыть руки.

– Петров написал! – крикнула ему вслед Маша.

- Чего это он вдруг тебе письма пишет? – удивилась мама. – Сказать, что ли, не может?
- Я не знаю, – пожала плечами Маша. – Петров – он же такой...
- Какой?
- Ну... особенный. Ну ты же знаешь... Необычный он...
- Вот оно что. Ну, пожалуй... – улыбнулась мама.
- И что же он там необычного пишет, интересно? – спросил вернувшийся в комнату папа.

- Я ещё не читала, – ответила Маша.
- Почитай нам, Миша! – попросила мама.
- Папа сел за стол, взял в руки конверт.
- Можно? – спросил он у дочери.
- Читай, конечно, – разрешила Маша. – У меня от вас никаких секретов нет.
- Сейчас, только очки возьму.

Папа сходил за очками, вынул из конверта письмо и начал читать.

Йо, здорово, Маша! Хочу сказать, что ты, типа, отпадная тёлка.

Папа оторвался от чтения и изумлённо взглянул на Машу поверх очков.

- Ты, типа, отпадная тёлка? – спросил он. – Я не знал.
- Ну так мальчишки разговаривают, – смутилась Маша. – Читай дальше.
- Папа продолжил чтение.

И я не последний пацан на районе. Короче, нам надо, по ходу, замутить. Будет мегакруто, классную тусню устроим!

Он снова остановился.

- Вам надо *по ходу замутить*? – уточнил он у Маши. – Это как, дочка?
- Папа, читай дальше! – снова попросила она.
- Папа переглянулся с мамой и снова вернулся к письму.

А если у тебя будут напряги и к тебе кто подкатывается, сразу говори мне, забью им стрелу и всех построю!

- Что он им сделает? – переспросила мама.
- Он им *забьёт стрелу*, Саша, – ответил папа. – Ясное дело.
- Папа, ты можешь не останавливаться каждую секунду? – взмолилась Маша.
- Папа вздохнул и продолжил.

Васечкин тоже зачётный чел, будем с ним тусить. Всё будет вообще шикос!

- Что будет вообще? – опять не выдержала мама. – Я правда не поняла.
- *Шикос* будет, – повторил папа. – Ну, что тут непонятного, Саша?!
- Папа, читай! – отчаянно воскликнула Маша.
- Хорошо. Слушайте дальше.

Короче, Маша, ты там, типа, подумай и намекни, что к чему. Я, типа, бы хотел ответ по-бырому. Твой Васян Петров.

Папа отложил письмо и медленно снял очки. Повисла какая-то нехорошая пауза.

- *По-бырому*? – наконец прервала молчание мама. – Это как?
- Да, действительно, очень необычный мальчик этот ваш Васян Петров, – задумчиво сказал папа. – Удивительно, раньше я ничего подобного в нём не замечал. Мальчик как мальчик, разговаривал, по-моему, вполне нормально. Что же с ним произошло, интересно?
- Мама тем временем взяла в руки злополучное письмо, пробежала его глазами.
- Он всех *построит*? – поразилась она. – Где? Зачем? Васечкин – *зачётный чел*? Это что значит? Всё будет *шикос*?

– Что он хотел сказать, Маша? – спросил папа. – Я постоянно, как ты знаешь, работаю с русским языком, но тут чего-то, честно говоря, не понял. А ты?

– Я тоже совсем не всё поняла, папа, – развела руками Маша. – Но я, кажется, догадываюсь, о чём тут речь.

Утром Петров шёл в школу. Тревожное чувство по-прежнему не покидало его. Он, конечно, доверял своему лучшему другу, но тем не менее, поди знай, как Маша отнесётся к письму. А вдруг она не поверит, что это он сам написал?! Или ей что-то не понравится... Васечкин, конечно, постарался, но всё же мало ли что...

В разгар этих раздумий и раздался за его спиной Машин голос:

– Вася! Петров!

Петров остановился. Маша его догнала, они пошли рядом.

– Привет, Маша, – осторожно сказал Петров.

– Привет! – ответила Маша. – Я прочла твоё письмо. Почти ничего не поняла. Ты что, не можешь нормальным языком разговаривать? Обыкновенно. По-русски.

– Могу, – покраснев, пробормотал Петров.

– Так в чём тогда дело? – удивилась Маша. – Чего ты хотел сказать-то?

– Ну... – начал было Петров и тут же осёкся.

– Что «ну»? – нетерпеливо спросила Маша.

Петров внезапно решился.

– Просто ты мне очень нравишься, – выпалил он. – Вот.

– Понятно, – повела плечиком Маша. – Так бы и написал. Ты мне тоже нравишься.

– Правда? – просиял Петров.

– Ну, конечно! А чего тут такого?

– Да ничего! – ответил сияющий Петров. – Ты права. Ничего такого.

Так, сияя, Петров и пришёл в класс. Через минуту рядом с ним уселся Васечкин.

– Ну чего? – спросил он первым делом. – Сработало? Давай колись! Я же вижу, как она теперь на тебя смотрит.

– Что ты там накалякал?! – набросился на него Петров. – Чуть всё не испортил. Эх ты, Сирано де Бержерак! Она ничего не поняла.

– Чего ты разорался-то? – защищался Васечкин... – Я ж как лучше хотел. И потом, ты ж читал письмо! Чего ты молчал, если тебе не понравилось?

– Потому что я тебе поверил, что ты знаешь, что делаешь!

– Никто тебя верить не заставлял! Взял бы и сам написал.

– Вот и напишу. Тебя не попрошу!

– Ну и пиши, писатель!

– Не хуже тебя!

– Это мы ещё посмотрим!

– И посмотреть нечего. Всё и так видно.

– И что тебе видно, интересно?

– То, что надо, то и видно!

– Ну, скажи!

– Не скажу!

– Боишься?

– Ещё не хватало бояться!

– Ну тогда скажи!

– Просто не хочу!

– Испугался?

– Сам испугался!

Они препирались таким образом весь урок географии. Эмма Марковна даже замечание им сделала. А после звонка на перемену Петров первый протянул другу руку.

– Ладно, – сказал он. – Мир!

Друзья зацепились мизинцами и хором произнесли:

– Мирись, мирись, больше не дерись!

После чего разняли руки, и на этом инцидент был исчерпан.

Так у них повелось с первого класса, и с тех пор они свято соблюдали эту детскую традицию примирения.

**Глава третья,
в которой Васечкина опять накрывает, а
Петрову приходит в голову блестящая мысль**

На большой перемене Маша, как ни в чём не бывало, опять о чём-то весело беседовала с Людой Яблочкиной.

Петров, пребывавший в изумительном настроении, повернулся к Васечкину, чтобы поделиться с ним интереснейшим наблюдением о том, как Маше идёт эта её новая причёска – конский хвост – намного больше, чем косички, и вдруг с удивлением увидел, что его друг смотрит куда-то застывшим, затуманенным взглядом. Петров проследил, куда вёл этот хорошо знакомый ему взгляд. Там, куда смотрел Васечкин, не было никого, кроме Маши и Люды.

«Неужели Васечкин втюрился в Люду Яблочкину? – подумал Петров. – Нет, не может быть! Он её еле терпит...»

И в этот момент Петрова осенило.

– Что с тобой, Васечкин? – прошептал он. – Неужели и тебя тоже накрыло? Опять?

Васечкин вздохнул и молча кивнул. Говорить он не мог. После того, как Петров поделился с ним тем, что Маша ему сказала, будто он ей нравится, больше ни о чём другом думать оказалось невозможно. Мысли сами бесконечно крутились вокруг Маши Старцевой. То есть он, конечно, очень рад был за Петрова, искренне рад, но что он мог сделать, если Маша упорно не вылезала у него из головы?!

А сейчас, когда он на неё посмотрел, то вдруг увидел её как будто впервые. И в ту же секунду внезапно и окончательно понял, что он самый несчастный человек на свете. Потому

что кроме Маши ещё есть Петров, его лучший друг, которому он обещал помочь. И что он мог теперь ему ответить?! Как найти слова, чтобы объяснить, что он чувствует?

Но Петрову ничего объяснять не надо было. За шесть лет, прожитых бок о бок, он прекрасно изучил Васечкина. И не раз наблюдал его в подобной ситуации. Да к тому же он и сам находился в точно таком же состоянии.

И Петров тоже вздохнул. Почти так же печально.

– Не волнуйся, Васечкин! – сочувственно произнёс он. – Я всё понимаю. С кем не бывает!

– Что же мне делать? – в отчаянии прошептал Васечкин.

– Как что? – пожал плечами Петров. – Ясно что. Ты должен с ней поговорить. Или написать. Тебе сразу будет легче.

Васечкин с надеждой взглянул на Петрова, и тот активно закивал в ответ. *Можешь мне поверить!* – означали эти кивки.

Васечкин снова вздохнул.

– Я знаешь чего боюсь? – спросил он.

– Откуда мне знать, – пожал плечами Петров.

– А вот чего. Если я Старцевой по-нормальному, по-пацански, напишу или скажу, она опять не поймёт ни фига. Может, повторишь, как ты с ней перетёр? Ну, в смысле, что ты ей сказал?

Петров грустно улыбнулся.

– Ладно, Васечкин, я тебе помогу, – сказал он.

– Спасибо тебе! – горячо прошептал Васечкин.

– Пустяки. А на что ещё нужны друзья?! В общем, было так. Я просто сказал, что она мне нравится.

– И всё? – поразился Васечкин.

– И всё, – подтвердил Петров.

– А она что?

– Я ж тебе уже рассказывал.

– Ну да...

Васечкин задумался.

Потом опять вздохнул.

– Ну, допустим, она мне так же ответит, – стал он размышлять вслух. – Ну, типа, что я ей нравлюсь. Это в лучшем случае. И что тогда? Что нам тогда делать? Ведь скоро лето...

Петров уныло почесал в затылке. Действительно, Васечкин прав. Скоро каникулы. Все разъедутся в разные стороны. И как они будут жить, не видя Машу целое лето?! Какой смысл тогда в этой летней жизни? И каникулы эти уже совсем не в радость... «Зачем человеку каникулы? – вспомнил он их любимую с Васечкиным песню. И сам себе мысленно ответил: – А затем, чтобы проводить их вместе, не расставаться с тем, кто тебе нравится, ни на один день! Только тогда это и будут настоящие каникулы! А иначе сплошное мучение!»

– Вот если б нам опять вместе в экспедицию поехать! – мечтательно сказал он вслух. – Как прошлым летом, когда мы в Эргонии были. Папа твой никуда в этот раз не собирается?

Васечкин посмотрел на Петрова загоревшимся взглядом.

– Слушай, это классная идея! – воскликнул он. – Котелок у тебя варит, Петров!

Петров скромно потупился, помолчал.

– А помнишь, как мы её спасли от этих проклятых муравьёв и как она нам была благодарна?! – внезапно заговорил он.

– Ещё бы! – вторил ему Васечкин. – Конечно, помню. И Эргона Шестого помню! Как мы его тогда с тобой? Вжик, вжик, вжик, уноси готовенького!

Васечкин радостно засмеялся. Петров захохотал тоже. От их унылого настроения не осталось и следа. Действительно, было что вспомнить. Сколько они пережили вместе! Сражения со страшными врагами, бегство по подземному туннелю, извержение вулкана...

И несмотря на все невероятные опасности, они победили! Чувство победы – какое потрясающее, упоительное ощущение! Это необходимо повторить!..

Маша и Люда Яблочкина уже давно вернулись в класс, а Петров и Васечкин всё не могли успокоиться, наперебой вспоминали прошлогодние приключения, мечтали о новых.

– *Приключения, приключения!* – неожиданно вполголоса начал петь Васечкин. – *Песни ветра, толчки штурвала...*

– *В сердце музыкой отзовутся,* – подхватил Петров, – *звон кольчуги и стук копыт.*

– *Ах, как хочется приключений!* – запели они уже дуэтом. – *Отчего их совсем не стало? Жизнь проходит, и мне не спится, даже если весь город спит!*

В опустевшем коридоре показалась школьная медсестра, посмотрела на них, но ничего не сказала, только укоризненно покачала головой, чем только поддала жару исполнителям.

– *Приключения, приключения!* – на весь коридор голосили друзья. – *Львы спускаются к водопою. Что-то снова запахло штормом. Шпаги наголо, господа! Ах, как хочется приключений!*

– *Ты бледнеешь, да что с тобою?* – возопил Петров, заботливо повернувшись к другу.

– *Пустяки, это старая рана!* – небрежно махнул рукой Васечкин.

И оба снова подхватили:

– *Ах, как быстро летят года!*

Спев, они почти одновременно выдохнули, с улыбкой посмотрели друг на друга.

– Я тебе обещаю, Петров, – сказал Васечкин, – мы обязательно поедem летом в новую экспедицию! Ты мне веришь?

– Верю, – твёрдо ответил Петров.

И они обменялись рукопожатием, скрепив таким образом эту договорённость.

– Ещё как поедem! – задумчиво произнёс Васечкин. – Верняк! Это у тебя, Петров, блестящая идея! – повторил он.

– С ней? – на всякий случай уточнил Петров, кивая на то место, где недавно стояла Маша.

– Конечно с ней! – уверенно ответил Васечкин. – А как же иначе.

Петров мечтательно улыбнулся.

– Опять туда, где холод? – спросил он. – В Антарктиду?

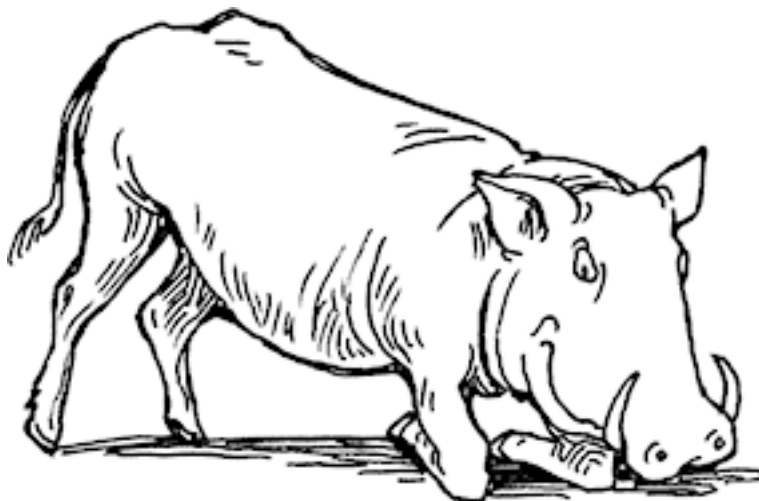
– Почему туда, где холод? – возразил Васечкин. – Туда, где жара! В Африку.

– Это как? – удивился Петров.

– Потом расскажу. Идём, на урок опоздаем!

И они побежали в класс.

Глава четвертая, в которой Васечкин рассказывает маме о бородавочнике, Маша готовится к большой тусне, а Петров изучает правила игры в гольф

Здесь, пожалуй, необходимо объяснить читателю, почему Васечкин так уверенно заявил Петрову о том, что они непременно отправятся летом на поиски новых приключений. Как известно, его папа Игорь Петрович – знаменитый геофизик – много времени проводил в экспедициях, изучая строение Земли в самых труднодоступных местах и совершая там порой удивительные открытия. Чего стоила одна прошлогодняя экспедиция в Антарктиду, где геолого-разведочная партия профессора Васечкина обнаружила в затуманенной вулканической области муравьиное государство Эргония! Тем самым Игорь Петрович доказал свою теорию о существовании второй ветви развития земной цивилизации. В ту экспедицию профессор после долгих споров и уговоров взял с собой сына и обоих его друзей – Васю Петрова и Машу Старцеву. Так наша знаменитая на всю школу тройца попала в Эргонию, где огромные безжалостные муравьи похитили Машу, а Петров и Васечкин, рискуя собственной жизнью, её спасли. Родители всех троих, узнав об этих невероятных и опасных событиях, разумеется, пришли в ужас и пообещали больше никогда и никуда детей не отпускать.

Впрочем, Игорь Петрович и сам пока не торопился отправиться в новую экспедицию, слишком много работы накопилось дома. Но вот примерно месяц назад профессор получил письмо от своего бывшего аспиранта – молодого американского учёного Роберта Мартина, о чём и рассказал за семейным ужином. Роберт уже три года работал в Африке – сначала в Уганде, а теперь перебрался в Кению, куда активно приглашал приехать своего любимого учителя. Обещал показать что-то, поражающее воображение.

Это приглашение пришло очень кстати, поскольку старший Васечкин и сам давно собирался в те края, хотел на месте проверить одну свою теорию об огромных подземных запасах воды на большой глубине под засушливыми кенийскими пастбищами, где каждый год, когда наступала засуха, погибали тысячи голов скота. Война с погодой была главной проблемой в жаркой стране, так как дожди там случались редко, и бедные скотоводы бесконечно вели поиск новых пастбищ. Если бы профессор оказался прав, это бы полностью

изменило жизнь кенийцев. Да и вообще (в этом месте Игорь Петрович широко улыбнулся), стало бы очень недурным открытием!

Васечкин рассказ о кенийской засухе пропустил мимо ушей, так как в этот момент был озабочен совсем другим, а именно тайной Бермудского треугольника, но то, что папа собирается использовать свой летний отпуск для поездки в Африку, он тем не менее запомнил. И в разговоре с Петровым вдруг сообразил, что такая поездка стала бы замечательной возможностью им, всем троим, отправиться в новое путешествие. А что может быть лучше?!

Дело оставалось за малым – уговорить сначала папу взять их с собой, а затем убедить всех остальных родителей их с папой отпустить. Пообещать-то Петрову, что всё обязательно состоится, он, конечно, пообещал... Но чем дольше размышлял о том, как повести разговор с отцом, тем больше чувствовал, что его уверенность в успехе этой беседы куда-то улетучивалась. Однако же к вечеру Васечкин всё-таки взял себя в руки, кое-что придумал и теперь с нетерпением ждал, когда хлопнет дверь и войдёт вернувшийся с работы папа.

Наконец Игорь Петрович появился, и вся семья уселась за стол.

– Как дела в школе, Петя? – задал профессор свой традиционный вопрос.

– А какие там могут быть дела... – уныло протянул Васечкин. – Беда, да и только!..

– Какая беда? – удивлённо поднял брови папа.

– Что ещё случилось? – спросила мама. – Ты мне ничего не рассказывал!

– А чего тут рассказывать, – ещё более безнадежным тоном заметил Васечкин. – Нечем тут хвастаться.

– Ну а всё-таки что происходит? – нахмурился папа. – Не тяни, говори всё, как есть. Ты же знаешь, всегда лучше говорить правду.

– Это почему? – удивился Васечкин.

– Потому что она выплывает так или иначе. Так что чем раньше мы её узнаем, тем лучше.

– А может быть, лучше поздно, чем никогда? – возразил Васечкин.

– Петя, прекрати! – не выдержала мама. – Говори, в чём дело, а то у меня уже сердце начинает болеть.

– Дело в том, дорогие родители, – не спеша начал Васечкин, – что, как вы знаете, с этого года у нас началась биология.

– Ну да, – нетерпеливо прервала его мама, – знаем, конечно. Ведёт Эмма Марковна, ваш географ. И что из этого?

Васечкин насутился.

– Не перебивай его, Ира! – заметил папа. – Дай ему спокойно рассказать. Говори, Петя! Мы слушаем.

– Да, совершенно верно, – так же неспешно продолжил Васечкин, – биологию преподаёт Эмма Марковна. Точнее, ту часть биологии, которую мы сейчас изучаем, то есть зоологию.

Он сделал паузу и вздохнул.

– Так, – сказала мама и подперла голову обеими руками. Так она делала, когда происходило что-то серьёзное. – И что же случилось на зоологии?

– Да ничего особенного, – проговорил Васечкин. – Мы сейчас проходим животный мир Африки. И выяснилось, что никто из нас – ни я, ни Петров, ни даже круглая отличница Маша Старцева – толком этого мира никогда не видели. Мы себе его совершенно не представляем! Вообще! Никак! Петров, например, считает, что бородавочник – это такой хищный грызун.

– А кто такой бородавочник? – с тревогой спросила мама, поворачиваясь к папе.

– Это африканское парнокопытное животное типа кабана, – успокаивающе ответил ей профессор. – Ну и что же из этого следует, сынок?

– А следует то, что по зоологии нам предстоит писать рефераты. Иначе в седьмом классе нас по ней не аттестуют. А как мы можем их писать, если ни разу даже близко не приближались к этим редким животным?

– Но как же так, Петя, – забеспокоилась мама, – мы же несколько раз были с тобой в зоопарке. Я уверена, что и Старцевы тоже ходили с Машей в зоопарк. И Петровы... Вы можете ещё раз туда сходить...

– *В зоопарк?* – презрительно спросил Васечкин.

Тон у него был такой, как будто мама произнесла что-то совсем постыдное, вроде как предложила ему с Петровым и Машей посидеть, поиграть в песочнице.

– А что тут особенного? – пожала плечами мама. – Да, в зоопарк. Там много разных интересных животных... У нас хороший зоопарк.

– Ты хочешь сказать, что животные в неволе, *в клетке*, ведут себя так же, как на свободе, на воле? – с пафосом спросил Васечкин. – Ты на самом деле думаешь, что в зоопарке можно увидеть, как бородавочник *ползает на локтях*?

– Ползает на локтях? – переспросила поражённая этой информацией мама. – Игорь, что он говорит? Почему этот, как его... бородавочник должен ползать на локтях?

– Успокойся, Ира! – мягко сказал папа. – Дело в том, что бородавочники предпочитают растительную пищу. Хотя вообще-то они всеядны. Так вот, при питании травами они сгибают передние ноги в суставах и так двигаются вперёд. То есть действительно создаётся ощущение, что они, как Петя говорит, ползают на локтях.

– Вот именно! – поддакнул Васечкин.

– Ну и при чём тут это? – спросила совершенно сбита с толку мама. – К чему ты всё это ведёшь, Петя?

– Я, кажется, понимаю, к чему, – улыбнулся профессор. – Наш сын таким образом намекает, что хотел бы поехать со мной в Африку.

– В Африку? – ахнула мама. – К диким зверям?

– Мам, ты ещё Бармалея вспомни! – воскликнул Васечкин.

И с чувством продекламировал:

– Маленькие дети!
Ни за что на свете
Не ходите в Африку,
В Африку гулять!
В Африке акулы,
В Африке гориллы,
В Африке большие
Злые крокодилы
Будут вас кусать,
Бить и обижать, –
Не ходите, дети,
В Африку гулять!

Наступила пауза. Все молча ели.

– Но почему вдруг в Африку? – ледяным тоном поинтересовалась мама. – Зачем тебе туда понадобилось, Петя?

– Он мотивирует это тем, что, если не поедет, то не сможет написать реферат по зоологии, – пояснил Игорь Петрович. – Мотивировка, прямо скажем, слабоватая. Ты что, Ира, не поняла намёк?

– Ничего я не намекаю, пап, – возразил Васечкин. – Я прямо говорю, что это принципиально важно. Ты сам сказал, что мы после Антарктиды очень повзрослели и что это нам было страшно полезно. Разве нет?

– Ну... – протянул папа. – В каком-то смысле безусловно...

– Ну вот, а после Африки мы окончательно повзрослеем! – торжествующе заключил Васечкин. – Разве ты этого не хочешь? Мы ведь тинейджеры, нам летом, между прочим, уже тринадцать стукнет!

Это, к слову говоря, была чистая правда. Все трое друзей по удивительному совпадению родились летом. Петров – 21 июня, Маша 6 июля, а Васечкин – позже всех, 7 августа. Этот факт дополнительно сдружил их, поскольку летом собрать гостей на праздник было чрезвычайно сложно, все, как правило, находились в каких-то разъездах. Так что они с удовольствием отмечали дни рождения друг друга. Если получалось, конечно.

Васечкин даже как-то предложил объединить все три праздника в один большой, общий. Но Петрову эта идея не понравилась.

– Вместо трёх тортов получится один! – сказал он. – И что в этом хорошего?

– Но зато здоровый! – возразил Васечкин.

И даже руками показал, какой будет здоровенный торт.

Петров задумался.

Но на Машу эта демонстрация не произвела никакого впечатления.

– А я хочу, чтобы у меня был свой, отдельный день рождения! – сказала она. – Я что, не заслужила?!

Этот довод ни Петров, ни Васечкин опровергнуть не могли. Так что на том дискуссия и закончилась. Дни рождения по-прежнему отмечали за лето три раза – в июне, в июле и в августе.

Семейный ужин у Васечкиных продолжался.

– Кто это «мы»? – любопытно спросила мама. – Вася и Маша, что ли, тоже собираются в Африку? А что их родители по этому поводу говорят? Опять готовы подвергать детей опасностям? Игорь, что ты молчишь? Скажи что-нибудь!

– Папа, действительно скажи! Мы же не в Антарктиду собираемся, правда? Не в Эргонию, никому не известную?

– Ах, мы уже собираемся, – хмыкнул папа. – Ты просто настоящий демагог, мой сын!

– Лучше быть демагогом, чем двоечником по зоологии! – тут же парировал Васечкин, весьма смутно представлявший себе, кто такой демагог.

Профессор усмехнулся. Он впервые не нашёлся, что возразить на эту сентенцию. Посмотрел на сына, подумал.

– Знаешь, Ира, – повернулся старший Васечкин к маме, – вообще-то Роберт работает в заповеднике, живёт в чудесном месте, в отеле, в хорошо охраняемой зоне. Там бассейн, вкусная еда, гольф, теннис, верховая езда, в общем, все условия для прекрасного отдыха...

– А от кого её надо охранять, эту зону? – зловещим голосом прервала его мама.

Васечкин про себя улыбнулся. Он уже понимал, что победа одержана. Главное, что папа был на его стороне. А уж вместе они как-нибудь смогут убедить маму. Но он никак не мог предположить, что произойдёт это так быстро, буквально в следующую секунду.

– А может, все вместе махнём? – предложил папа. – Всей семьёй? А, Ирочка?

– Ну уж нет! – замотала головой мама. – Ни к каким крокодилам я не поеду. Ни за что! Не такая уж я любительница животных. Езжайте сами!

И тут же испуганно вытаращила глаза. Последние два слова сорвались у неё с языка совершенно непредсказуемо. Но было уже поздно!

– Слово – не воробей! – ликуя, заметил Васечкин. – Спасибо, мама!

Они с папой переглянулись. Мама начала хмуро убирать посуду со стола.

– А как насчёт Петрова и Старцевой? – как бы невзначай поинтересовался Васечкин.

Голос его звучал так невинно, как будто речь шла о приглашении друзей на прогулку вокруг дома.

– Ну куда уж без них! – вздохнула мама. – Это тебе, Игорёк, в нагрузку, – сказала она папе. – Чтобы ты там особенно не расслаблялся с этими... бородавочниками. Поработаешь немножко воспитателем.

– Но условие, Петя, ты знаешь! – сказал папа, никак не отреагировав на эту ехидную реплику. – Оно прежнее.

– Никаких троек, пап! Само собой! Даже не обсуждается.

В тот же вечер, а точнее, сразу, как только вышел из-за стола, Васечкин отправил Петрову и Маше эсэмэску следующего одинакового содержания:

Ура! На каникулах едем в Африку! К акулам, гориллам и крокодилам! Готовься к большой тусне! П. В.

Читатель, безусловно, догадался, что означали эти две большие буквы – П. В. Петя Васечкин, конечно. Что же ещё?!

А на следующий день не менее интересная беседа состоялась в семье Старцевых. Только на этот раз не за ужином, а за обедом.

– А у меня новость! – радостным голосом объявила Маша, когда все уселись за стол.

– Давай я догадаюсь, – предложила мама, привыкшая к Машиным свершениям. – Ты заняла первое место на соревнованиях по плаванию?

– Не-а, – покачала головой Маша.

– Она заняла первое место в олимпиаде по французскому языку! – воскликнул папа. – Или по русскому!

– Нет, – улыбнулась Маша. – Ничего подобного.

– Получила пятёрку по математике?

– По пению?

– По биологии?

Вопросы сыпались наперебой.

– Тебя выбрали старостой класса?

– Ты поедешь на международные соревнования по бальным танцам среди юниоров?

– Да нет же, – расхохоталась Маша. – Не угадали! Я поеду, но совсем не на соревнования!

– А куда же? – удивилась мама.

– В Африку! В Кению! С Игорем Петровичем Васечкиным!

Наступила пауза. Папа с мамой переглянулись.

– И когда же вы туда собираетесь? – помрачнев, спросил папа.

– В начале июня! На каникулах.

– А ещё кто поедет? – осторожно поинтересовалась мама.

– Ну, ещё Васечкин, конечно. В смысле, Петя.

– *Зачётный чел*, – уточнил папа для мамы. – Помнишь?

– Да, да, помню, – кивнула головой мама. – Это всё?

– Ну и Петров, само собой, – улыбнулась Маша.

– *Васян*? – снова уточнил папа. – Тот, что *не последний пацан на районе*, да?

– Он там будет *всех строить*? – любопытствовала мама. – Или *стрелу забивать*?

– Нет, Саша, – возразил ей папа. – Они там просто устроят *классную тусню*. В смысле, *замутят, по ходу! Будет мегакруто*, правда, Маша? Настоящий *шикос*!

– Ну хватит, папа! – взмолилась Маша. – Что вы издеваетесь! Во-первых, это не он писал.

– А кто же? – удивилась мама.

– Это Васечкин написал.

– А-а, *зачётный чел?*

– Мама, ну прошу тебя! – Маша от отчаяния прижала руки к груди. – Это была шутка, понимаешь? Васечкин совсем не такой! А Петров тем более!

– Просто, Маша, не хочется, чтобы ты вернулась из поездки с исковерканным русским языком! – сказал папа. – При всём моём уважении к Игорю Петровичу.

– Папа, я тебе обещаю! Великий и могучий сохранию в целости и сохранности. И никаких коверканий больше не допущу! Ни у Петрова, ни у Васечкина!

– Что ж, ты меня успокоила, – улыбнулся папа. – А теперь расскажи подробно, что это за поездка такая? Куда и зачем?

– Мы едем в Кению, – затараторила обрадованная Маша. – Будем жить в чудесном месте, плавать в бассейне, кататься верхом, играть в теннис. Этот старинный отель расположен в заповеднике. Его ещё англичане строили, когда Кения была английской колонией. Заодно, кстати, английский попрактикую.

– И что, там нет никаких опасностей? – осторожно спросила мама.

– Конечно нет! – заверила её Маша. – Ни малейших! Там на каждом шагу сплошные *секьюрити*.

– Кто-кто? – поморщился папа. – Вроде у нас только что шла речь о чистоте языка.

– Ну, в смысле, всё там охраняется, – тут же поправилась Маша. – Единственная опасность – это обезьянки, которые могут что-то стащить, если ты разбросал свои вещи.

– Какая прелесть! – восхитился папа.

– Но вы же знаете, я никогда ничего не разбрасываю!

– Чистая правда! – с гордостью подтвердила мама. – В этом плане я тебя воспитала хорошо. Миша, тебе надо позвонить Игорю Петровичу и подробно с ним поговорить.

– Само собой, – отозвался папа. – Конечно, позвоню.

Что касается семейства Петровых, то там разговор оказался совсем коротким.

– Папа и мама, – сказал Петров, собираясь спать, – а мы с Машей и Васечкиным едем на каникулах с его папой в Кению. Поселимся в отличном отеле в красивом месте. Там для нас делают огромную скидку. Я прикинул, получается, не дороже чем в подмосковный лагерь съездить. Будем говорить по-английски, рыбу удить и в гольф играть.

– А ты разве умеешь в гольф? – удивился папа.

– Научусь, – скромно ответил Петров. – Я уже правила изучаю.

– А Маша точно едет? – строго спросила мама.

– А как же, – развёл руками Петров. – Кто-то же должен следить, чтобы мы с Васечкиным вовремя питались, спать ложились в правильное время и книжки читали.

– И вы всё это будете делать? – засомневалась мама.

– Конечно, – с самым серьёзным видом подтвердил Петров. – А для чего же нам ещё в такую даль переться! На каникулах самое главное – это соблюдать режим. Только так можно хорошо отдохнуть. Год ведь был очень тяжёлый, столько домашних заданий, сами знаете! – вздохнул он. – Еле справились. Не разгибая спины сидели. Мы, можно сказать, на последнем издыхании.

Проговорив это, он широко зевнул.

Мама с папой переглянулись.

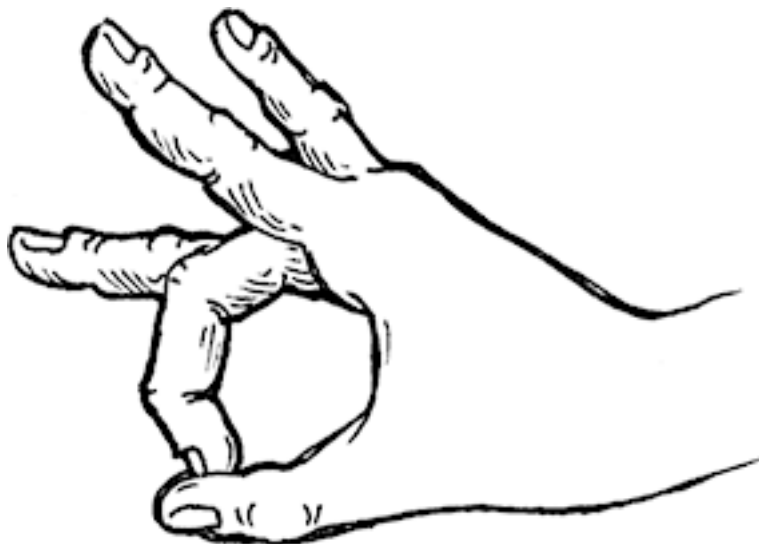
– Действительно, год был непростой, – согласилась мама. – Ну да ладно, утро вечера мудренее. Ложись, Васенька, ты устал! Завтра мы поговорим с Игорем Петровичем, всё обсудим.

– Спокойной ночи, Вася! – сочувственно произнёс папа.

– Спокойной ночи, дорогие родители! – вежливо отозвался Петров и отправился на покой.

Таким образом, вопрос о поездке в Африку был практически решён.

Глава пятая, в которой Маша лечит Васечкина, а Петров даёт ему щелбаны

На следующий день после уроков вся троица расположилась в небольшом скверике недалеко от школы, чтобы подробно обсудить последние события. Они обменялись новостями и пришли к заключению, что дело идёт как надо и родители подготовлены соответствующим образом.

– В общем, я им втёр про реферат по зоологии, и они тут же лапки кверху! – рисуясь, заявил Васечкин. – А куда им было деваться! Я же сказал, что дело верняк! Главное – правильно с предками перетереть. Вы меня слушайте, и всё у вас будет оки-токи!

Петров после этой хвастливой тирады чуть склонил голову влево и слегка выпятил нижнюю губу, в том смысле, что возразить тут нечего, и лично он, Петров, Васечкина всегда готов поддержать.

Но Маша на эти слова отреагировала совсем иначе. Нижнюю губу она, наоборот, прикусила, что в данном случае означало крайнюю степень озабоченности, нахмурилась и затем строго проговорила:

- Вот что, Васечкин... Ты эти свои *оки-токи* прекрати!
- В смысле? – удивился Васечкин.
- В прямом смысле. Надоело!
- Чего надоело-то? – опять не понял Васечкин.
- Маша хочет сказать, что некоторые твои выражения ей неприятны, – перевёл Петров.
- Это ни о чём! – покачал головой Васечкин.
- Как это ни о чём? – возмутилась Маша. – Почему это – ни о чём?
- Ну это так говорится просто, – вступился за друга Петров. – Ну, выражение такое...
- Хватит этих выражений! Не хочу я в них разбираться. Разговаривайте нормально! Ты меня слышишь, Васечкин?
- Я в теме, – пожал плечами Васечкин.
- В какой ещё теме? Ты что, издеваешься?
- Ну это тоже так говорят. Васечкин имеет в виду, что он тебя понимает, – снова перевёл Петров.

И даже после этого слегка приосанился. Почувствовал себя вроде как синхронным переводчиком на важных международных переговорах.

– А мне не нужно ничего иметь в виду! – воскликнула Маша. – Надо просто говорить обыкновенным языком. Тебе что, слов не хватает? – накинулась она на Васечкина. – Для чего ты свою речь замусорил? Ты хоть в одной хорошей книге читал, чтобы так люди разговаривали?

– Чего ты выступаешь? – растерялся Васечкин. – Не надо меня лечить!

– А ты что, заболел? – заботливо спросила Маша. – Бедненький!

– Ну, сейчас все так говорят, – снова попробовал вмешаться Петров. – Такое время теперь. Все подряд, знаешь, *тусуются, втирают, перетирают, лайкают и перепости-вают...*

– Время здесь ни при чём! – отрезала Маша. – Либо вы любите свой язык, либо нет. А если вы его не любите, то я с вами никуда не поеду, так и знайте!

Наступила пауза.

Петров и Васечкин смущённо переглянулись.

После чего Васечкин снова слегка пожал плечами. Как бы дал понять, что он не знает, каким образом из этого тупикового положения выйти. Спасать ситуацию опять пришлось Петрову.

– Ну почему это мы не любим, – примирительно сказал он. – Очень даже любим. И стихи всякие знаем. С детства. Вот, например, – «Идёт бычок качается, вздыхает на ходу...»

– При чём тут твой бычок вздыхающий?! – прервала его Маша. – Всё очень просто. Или вы разговариваете нормальным языком, чтобы не надо было ни о чём догадываться всякий раз, или езжайте сами в свою Африку! А то меня дома уже засмеяли. Я папе обещала, что никаких коверканий речи больше не будет.

Опять наступила пауза.

– Мы тут что, на уроке у Феликса? – вяло попробовал возразить Васечкин. – Мы же так, между собой перетираем...

– Мы не перетираем, а разговариваем! – отчеканила Маша. – И ты для меня не *пацан на районе* и не *зачётный чел*, а мой друг и одноклассник Петя Васечкин!

Петров на этих словах не выдержал, прыснул. Васечкин сердито пхнул его в бок локтем.

– И я для тебя, между прочим, тоже не *отпадная тёлка*, а твоя подруга и одноклассница! – продолжала отчитывать его Маша. – Хотите общаться на этом заячьем языке, дело ваше. Но без меня.

– А почему на заячьем-то? – обидчиво спросил Васечкин. – Зайцы, что ли, так разговаривают?

Маша задумалась. Этот вопрос поставил её в тупик.

– Не знаю, как разговаривают зайцы, – в конце концов сказала она, – но я так не хочу. Это моё условие, понятно? Иначе меня папа с вами непустит. Ну что, договорились?

– Да, безусловно, – тут же ответил Петров.

– А ты, Васечкин?

– Ну я, по ходу, не возражаю, – пожал плечами Васечкин.

– По ходу? – окончательно рассердилась Маша. – По какому такому ходу? Что это значит – по ходу? По ходу чего? Нет такого выражения. Где ты его взял? Есть слово – похоже.

Васечкин от этого напора сник окончательно.

– Океюш... то есть согласен, – пробурчал он. – Чего ты завелась-то? Я всё понял. Будем разговаривать, как в лучших домах. Правда, Петров?

– Да, несомненно, – с готовностью подтвердил Петров.

- Вот именно, – обрадованно кивнул Васечкин.
- К нему уже вернулась его обычная самоуверенность.
- Раз я сказал, так и будет. Не думай о плохом.
- Ну вот и хорошо, – улыбнулась Маша. – Больше не думаю.
- Остывала она так же быстро, как и вспыхивала.
- Предлагаю за каждое заячье слово – щелбан! – сказал Петров.
- Отличное предложение! – поддержала его Маша. – Молодец, Петров!

Васечкин неодобрительно покосился на друга. Ему это предложение совсем не показалось отличным.

- Ну что, по рукам? – подытожила Маша окончание этой бурной дискуссии.
- Все трое соединили правые руки.
- Раз, два, три! – скомандовал Петров.

Руки опустились. Петров с облегчением поглядел на своих друзей. Ему очень не нравилось, что они чуть было не поссорились из-за какой-то ерунды. Лично он вообще был готов взять обет молчания и никогда больше ни слова не произносить, лишь бы Маша была довольна.

- Ну, я тогда пойду? – спросила Маша.

Взглянула она при этом на Васечкина, поскольку именно его считала виновником всей этой малопривлекательной беседы.

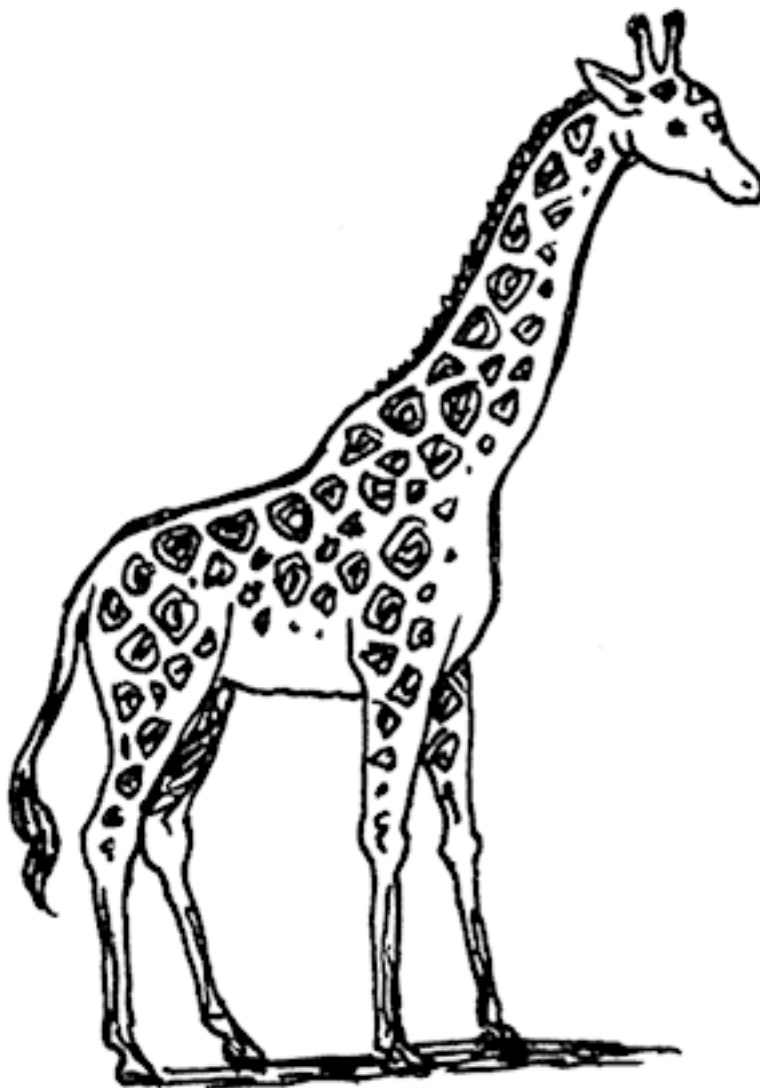
- Иди, – пробормотал тот.
 - Ну, пока!
 - Пока! – хором ответили оба друга.
- И Маша ушла.

– Тоже мне, Роксана выискалась! – сказал Васечкин, глядя ей вслед. – Подумаешь, любительница красивой речи!

Петров вздохнул. Решил, что лучше ничего не говорить, не нарываться. Но Васечкина это не остановило.

- А ты, Петров, тоже! – накинулся он на друга. – Чего ты вылез с этим своим дурацким предложением про щелбаны? Кто тебя просил?
- А чего такого? – развёл руками Петров. – Ты же сам согласился.
- Мало ли на что я согласился. Щелбан – это совсем другое дело.
- Чем это другое? – возразил Петров. – То же самое дело.
- Чего ты дурака включаешь? – возмутился Васечкин. – Ты чего, тормоз?
- Щелбан! – сказал Петров. – Даже два.
- И тут же дал Васечкину два щелбана.
- Больно же! – завопил Васечкин. – Ты что?
- Что я могу сделать? – сочувственно развёл руками Петров. – Договор есть договор.

**Глава шестая,
в которой наши герои прибывают в
Африку, Маша приходит в восхищение,
а Васечкин снова получает щелбан**

В ожидании путешествия на Африканский континент время мчалось удивительно быстро. Петров и Васечкин даже не заметили, как пролетел апрель, а за ним одна за другой замелькали и майские недели. Под строгим контролем Маши, по общему согласию взявшей на себя руководство по подготовке, они читали и взахлёб обсуждали книги о флоре и фауне Кении, усиленно штудировали английский, делая явные успехи в этом нелёгком деле.

Интересно, что Эмма Марковна, перед которой Васечкин не преминул похвалиться будущей поездкой, и в самом деле поручила всем троице подготовить рефераты по зоологии. Каждый должен был выбрать себе какое-то животное в Африке и подробно описать его, используя свои наблюдения. А в начале нового учебного года, уже в седьмом классе, им предстояло сделать доклады на выбранную для реферата тему. Это, надо признаться, несколько не обрадовало Петрова.

– Ну кто тебя за язык дёргал! – возмущался он. – Теперь сиди, пиши этот реферат вместо того, чтобы отдыхать спокойно! Обязательно надо каникулы испортить, да?

– Ладно, не злись, чего-нибудь придумаем, – оправдывался Васечкин. – Я тебе помогу!

– Хватит, напоминайся! – раздражённо бурчал Петров. – Сыт по горло! Я уж на этот раз как-нибудь сам справлюсь, без тебя!

Но долго они ссориться не могли, так что вскоре опять оживлённо обсуждали предстоящее путешествие.

– Ты, главное, электрошокер не забудь, – напомнил Васечкин. – Я свой уже уложил.

– Это ещё зачем? – удивился Петров. – Мы же не в Эргонию на этот раз едем, а в Африку. С кем мы там сражаться собираемся?

– Мало ли что, – многозначительно ответил Васечкин. – Там вокруг джунгли. Дикие звери. Пригодится. Никогда не знаешь, что случится. Кто знал, что в Антарктиде мы натолкнёмся на этих огромных муравьёв? Я теперь без шокера никуда не езжу.

– Так ты никуда с тех пор и не ездил, – резонно возразил Петров.

– Короче, ты как хочешь, а я свой взял, – подвёл черту Васечкин. – Так спокойней. И вообще, надоело с тобой спорить по каждому поводу! Знаешь же, что я прав!

– Ну ладно, – пожал плечами Петров. – Шокер так шокер. Что, мне трудно взять, что ли? Чего ты раскипятился-то так? Подумаешь, чайник!

– О-о! – обрадовался Васечкин. – Я, значит, *чайник*? Получи!

И тут же влепил Петрову щелбан.

– За что? – заорал Петров. – Чайник – обыкновенное русское слово.

– Ладно, – подумав, согласился Васечкин. – Ты прав. Беру щелбан обратно.

– Это как? – не понял Петров. – Мне, что ли, его тебе теперь дать?

И он с готовностью сложил пальцы.

– Нет, нет, – отскочил Васечкин. – Это значит, в следующий раз я тебе его не дам, вот и всё. Ты сейчас вроде как вперёд получил. Авансом.

– А если следующего раза не будет? – спросил Петров, потирая лоб. – Я ведь слежу за своей речью.

– Будет, – заверил его Васечкин. – Не волнуйся. Я тоже за тобой слежу.

Так или иначе, наконец наступил знаменательный день, когда профессор Игорь Петрович Васечкин и трое наших новоиспечённых семиклассников оказались в самолёте, держащем курс на Найроби, кенийскую столицу. Лететь оказалось долго, включая пересадку в Дубае, получилось аж двенадцать с половиной часов. Так что они успели и поспать, и поболтать, и поесть два раза, и в морской бой поиграть, и даже кино посмотреть, благо выбор фильмов на борту оказался огромный.

Васечкин выбрал себе фильм про Джеймса Бонда, а Петров про Гарри Поттера.

– Они совсем как мы, – сказал он Васечкину. – Их тоже трое, и тоже одна девочка. И они тоже в неё...

Тут он прикусил язык и с опаской покосился на Машу, сидевшую с другой стороны от него. Но та, к счастью, ничего не слышала, увлечённо читала книгу. Книга, к слову сказать, была замечательная – «Книга джунглей» Редьярда Киплинга. Когда-то, ещё будучи в первом классе, Маша читала рассказ о Маугли из этой книги. А сейчас, готовясь к поездке, решила прочесть её целиком. Между прочим, в оригинале, на английском языке. Правда, периодически заглядывала в электронный словарь. Но всё равно – и полезно, и интересно. Маша, надо сказать, вообще последнее время предпочитала книги фильмам. Ей больше нравилось представлять персонажей в своём воображении, чем видеть их на экране.

А Игорь Петрович работал. Сидел с открытым ноутбуком и редактировал свою новую статью. Короче говоря, каждый нашёл себе занятие по душе.

Самолёт начал снижение, и все потянулись к иллюминаторам. Хотелось наконец увидеть долгожданную Африку. Но толком посмотреть на кенийскую столицу сверху удалось только сидевшей у окна Маше. Петрову и Васечкину строгая стюардесса велела сесть на место и не отходила, пока они не пристегнулись.

Маша жадно вглядывалась в приближавшийся снизу город.

– Смотри внимательно, – попросил её Петров. – Вдруг увидишь что-нибудь такое. Тогда сразу нам скажи.

– Какое? – не отрываясь от окошка, уточнила Маша.

– Ну там, например, если жирафы по улицам будут бежать... – подал голос со своего места Васечкин.

– Или если, к примеру, носороги будут на площади пастись... – поддержал его Петров.

– На какой площади? – удивилась Маша.

– На центральной, на какой же ещё, – сказал Васечкин. – Ясное дело.

– Да вы что! – Маша не выдержала и обернулась. – Какие носороги на площади? Это столица, большущий город. Мы же с вами читали, здесь три с половиной миллиона проживает. Вы что, забыли?

– Интересно, это с носорогами посчитали? – серьёзно спросил Васечкин.

– Конечно с носорогами! – тут же ответил ему Петров. – Без носорогов было бы намного меньше.

Только тут Маша наконец поняла, что её разыгрывают.

– Да ну вас! – сказала она. – Дураки!

И опять отвернулась к окошку.

Петров и Васечкин, давась от смеха, начали наперебой упрашивать её не обижаться, но Маша была непреклонна и до самого приземления никакого внимания на обоих друзей не обращала.

Когда они вышли из самолёта, сразу почувствовали себя в другом климате. Температура воздуха оказалась примерно такая же, как в Москве, около 25 градусов, но влажность тут была неизмеримо выше.

В Найроби ещё только начиналось утро, но солнце уже взошло. Даже здесь, в аэропорту, было слышно, как щебечут и поют птицы.

Маша улыбнулась и громко сказала:

– Привет, Африка!

– Привет, Африка! – подхватили Петров и Васечкин.

– Привет, Кения! – поддержал их Игорь Петрович.

Они подошли к зданию аэропорта.

– Ой! – вдруг ахнула Маша и застыла, уставившись на растущее около входа дерево.

– Что с тобой? – встревожился Петров.

– Вон! – тихо ответила Маша и показала рукой на одну из веток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.